

Р. С. АВИЛОВ

«Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов

Любая проигранная война неизбежно приводит к поиску виноватых, к попыткам виновных или тех, кто был виновными назначен, оправдаться и снять с себя ответственность. Не стала исключением и Русско-японская война 1904–1905 гг., поражение в которой привело к появлению нескольких направлений оправдательной литературы: виттевской, снимающей с бывшего министра финансов С. Ю. Витте ответственность за последствия проведения участка стратегической трансконтинентальной железной дороги по территории потенциального противника и строительство глубоководного порта для высадки японской армии в непосредственной близости от Порт-Артура; безобразовской, представляющей в выгодном свете деятельность группы А. М. Безобразова накануне войны; и куропаткинской, призванной доказать, что в поражении в войне с Японией был виноват кто угодно, но только не бывший военный министр и главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, А. Н. Куропаткин¹.

Влияние этих трех историографических традиций на исследование истории российского Дальнего Востока накануне и во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. ощущается до сих пор. Так, описывая причины поражения в войне, бывший военный министр дал крайне негативную

***Авилов Роман
Сергеевич***

канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Институт истории,
археологии
и этнографии народов
Дальнего Востока
Дальневосточного
отделения РАН
(Владивосток, Россия)

характеристику как деятельности русской разведки на Дальнем Востоке, так и офицерам, осуществлявшим эту деятельность². В результате даже современные исследователи, за редким исключением³, пишут о провале русской разведки на дальневосточном направлении накануне войны, не углубляясь в детальный анализ ситуации⁴.

Между тем имелись случаи, когда русская разведка в регионе практически молниеносно реагировала на события, всю важность и последствия которых в тот момент еще невозможно было оценить в полной мере. В январе — марте 1901 г. Утида Рёхэй создал в Японии «Общество реки Амур» («Амурское общество», «Общество черного дракона», «Кокурюкай») — достаточно агрессивную националистическую организацию, пропагандировавшую панasiatские идеи и обосновывавшую необходимость территориальной экспансии Японии и войны с Россией⁵. Общество сразу наладило выпуск нескольких печатных органов, в том числе ежемесячника «Кокурю» («Амур») и выходивших нерегулярно «Известий Амурского общества» (отечественные востоковеды используют минимум два варианта перевода названия этого издания: «Вестник общества “Кокурюкай”»⁶, «Информационный бюллетень Кокурюкай»⁷). Последнее издание имело ярко выраженную антироссийскую направленность, причем второй его выпуск (за апрель 1901 г.) оказался настолько радикальным и неудобным для японского правительства, что был официально запрещен вместе с вышедшей вслед за ним книгой Утиды Рёхэя «Гибель России», а тираж конфискован⁸.

Тем не менее русская военная разведка благополучно добыла второй выпуск. Наиболее важные разделы («Наличные силы России; выгода и вред войны и мира» и «Политика России по отношению к ее восточной окраине и недостатки ее») перевели на русский язык, и уже во второй половине 1901 г. эти материалы легли на стол военному министру⁹. В свою очередь, о содержании «Гибели России» стало известно по линии морского ведомства. 10 (23) мая 1902 г. русский военно-морской агент в Токио капитан 2-го ранга А. И. Русин докладывал в Главный морской штаб о деятельности общества по «правильно организованному шпионству под видом различных изысканий или изучений условий дел торговых и промышленных предприятий» и публикации «печатных изданий статей враждебных, ни на чем или мало обоснованных, по адресу России, с намерением восстановить и неприязненно настроить японцев против русских и всего русского». Он отмечал: «Подобная деятельность Амурского общества достигла своего апогея в прошлом году изданием брошюры под заглавием “Гибель России”, стремившейся доказать, что Япония в случае столкновения с Россией имеет все шансы на успех и потому должна без промедления вызвать войну. Брошюра была написана в таких резких выражениях, что японское правительство, вообще крайне снисходительное к подобным образчикам гласности (в особенности по адресу России), сочло нужным запретить и конфисковать издание, почему достать таковую брошюру трудно, разве за большую цену»¹⁰.

Таким образом, русские разведчики на Дальнем Востоке не только не проспали создание одной из самых могущественных в будущем японских экспансионистских организаций, сумевшей впоследствии наладить собственную сеть

по сбору информации и подготовку переводчиков русского языка, которыми японская армия пользовалась до конца Второй мировой войны (ликвидирована в 1946 г.), но и сразу же добыли материалы, позволявшие судить как об оценке этой организацией военного и экономического потенциала России, так и о качестве проводимой в ней аналитической работы.

Особая ценность этих публикаций обуславливалась тем, что их идейный вдохновитель и основной автор, Утида Рёхэй, не был просто публицистом-руссофобом. Выучив русский язык, он совершил масштабное путешествие: в 1896 г. побывал в Маньчжурии и Порт-Артуре, некоторое время пожил во Владивостоке, в 1897 г. осмотрел стратегически важный район залива Посьета в Южно-Уссурийском крае, где проходили границы с Китаем и Кореей, после чего, еще до окончания строительства Транссибирской железной дороги, проехал всю Россию по маршруту: Владивосток — озеро Байкал — Иркутск — Санкт-Петербург — Москва — Стретенск — Владивосток, ведя в пути подробные записи. Вернувшись ненадолго в Японию, вторую половину 1898 г. он снова провел во Владивостоке. Этот человек действительно достаточно хорошо изучил Россию, и, судя по имеющимся данным, японская военная разведка наладила с ним сотрудничество (возможно, тогда неофициально) практически сразу. Во всяком случае, направляясь в обратный путь из Петербурга во Владивосток, Утида Рёхэй 26 марта 1898 г. выехал из русской столицы в Москву вместе с военным стажером майором Нонака Кацуаки¹¹.

Материалы, с которыми предстояло познакомиться А. Н. Куропаткину, были хорошо систематизированы, достаточно логично и аргументированно (с позиции японца) изложены и содержали четкие и однозначные выводы, имевшие, правда, ярко выраженную националистическую окраску. Блок «наличные силы России; выгода и вред войны и мира» содержал восемь разделов: «Население России и его слабые стороны», «Промышленность и торговля; их недостатки», «Религиозная политика и ее недостатки», «Общественный строй и его недостатки», «Воспитание и его недостатки», «Финансовое положение», «Управление и его недостатки» и «Железные дороги»¹².

В разделе о населении России верно подмечался полиэтничный и многоконфессиональный характер империи, особенно на окраинах, что, с точки зрения автора, существенно ослабляло ее в военном отношении. При примерной численности населения в 120 млн и ежегодном приросте до 2 млн (цифры были заимствованы из отчетных данных переписи населения 1897 г.) приводились такие сведения:

...собственно славян — лишь 80 миллионов; остальное — разные другие племена, как то: финляндцы, турки, евреи и пр. <...> Из этих многочисленных племен по крайней мере 60 совершенно в расчет входить не могут, так как находятся в положении, напоминающем наших айнов. Вследствие громадной площади, занимаемой Россией, густота населения крайне слабая. Смертность среди него значительно больше, чем в других государствах. Объясняется это недостаточностью медицинской помощи, а также тем, что ежегодно несколько десятков миллионов населения страдает от голода. Большинство населения грубо и невежественно; некоторая культурность имеется лишь среди пяти следующих племен: молочан, казаков, бурят, татар и поляков¹³.

Последнее предложение А. Н. Куропаткин отчеркнул на полях, подчеркнул слово «бурят» и написал: «Какой вздор!» При этом справедливо отмечалось: «Русские отличаются силою, здоровьем, терпением и трудолюбием». Это предложение А. Н. Куропаткин отчеркнул на полях и отметил: «Верно»¹⁴.

Справедливо были указаны в издании и слабые места российской экономики того времени: незавершенность аграрных преобразований, слабость собственной промышленности и недостаток свободных капиталов для ее развития, приводящий к необходимости постоянного привлечения иностранных инвестиций.

Россия — страна земледельческая. Поэтому в торговых оборотах ее первое место занимают продукты земледелия. Судя по цифрам ее торговых оборотов, можно было бы предположить, что народ русский богат, но на самом деле он беден. Происходит это потому, что народ работает на землевладельцев, которые пользуются всей выгодой; кроме того, причиной бедности служат частые неурожаи и невежество народа. Промышленность за последнее время несколько продвинулась вперед, но этому она исключительно обязана иностранцам, их предприимчивости и их капиталам. Горное дело, нефтяное, заводская промышленность постепенно переходят в руки иностранцев. То же самое замечается и по отношению к торговле. Так, сибирская торговля вся почти в руках немцев. Деньги сосредоточены в руках немцев и евреев. Правительство всячески старается поддерживать чисто русские предприятия, выдает субсидии и пр., но все эти меры ни к чему не приводят благодаря неспособности русских. Вообще в торгово-промышленном отношении Россия обнаруживает все признаки полумертвого государства и в *общем соревновании государств на этом поприще в XX в. она едва ли будет играть значительную роль* (здесь и далее курсивом в цитатах обозначаются фрагменты, отчеркнутые А. Н. Куропаткиным на полях. — Р. А.)¹⁵.

Финансовое положение империи японские аналитики-националисты оценивали как шаткое и запутанное:

Состояние финансов России по меньшей мере странно. Судя по цифрам бюджета на 1901 г., можно было бы предположить, что все обстоит благополучно, но на самом деле финансовое положение далеко не удовлетворительно. Вообще в русских финансах разобраться крайне трудно, так как государственные доходы Россия постоянно смешивает с доходами имущества Двора. Богатство же последнего огромно. <...> Собственностью Двора считаются все горные и лесные богатства России и даже места для рыбной ловли¹⁶.

И если последнее заключение было верным лишь отчасти, то сделанный вывод, что «главные финансовые силы России сосредоточены во Дворце»¹⁷, был совершенно неверен.

Впрочем, трезвой оценке финансового положения империи это не помешало:

Во всяком случае русские финансы шатки. Доказательством тому могут служить следующие обстоятельства:

- I. Ввозные пошлины недавно повышены на 10–50 %.
- II. Постройка железных дорог в Туркестане приостановлена.
- III. В Сибири с целью противодействия вывозу китайцами золота усиленно распространяются 500- и 1000-рублевые бумажки. Вообще цена бумажных денег в Сибири ниже их номинальной стоимости, так, бумажные 100 иен стоят всего 90 иен золотом.

Сильно ослабляют финансы России сооружение Сибирской и Восточно-Китайской железных дорог и постройка городов во вновь приобретенных областях. Недешево обходится России и ее внешняя политика, ставящая себе главной целью вызвать столкновения. На все это требуются весьма значительные суммы, каковые едва ли имеются на лицо. А потому можно с достоверностью сказать, что финансовое положение России печально, да и ни одна Держава не имеет в финансовом отношении никакого доверия к России¹⁸.

Действительно, строительство железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке хотя и было полностью оправданно со стратегической точки зрения (в начале XX в. наличие трансконтинентальной магистрали, соединяющей азиатские и европейские владения империи уже было жизненно необходимо), но ложилось тяжелейшим бременем на бюджет. Еще хуже обстояла ситуация с проложенной по Маньчжурии Китайско-Восточной железной дорогой (далее — КВЖД), где строительство одной версты пути (без учета «технических упрощений») обходилось в среднем в 158 тыс. руб., т. е. в три раза выше, чем на Сибирской дороге, и в полтора раза выше, чем на дорогах Европейской России. Причем после подавления в 1900 г. Боксерского восстания все, что успели сделать ранее, пришлось строить заново. Это практически удвоило стоимость дороги, и, по официальным данным, на 1 января 1904 г. она составила около 375 млн руб. В дальнейшем расходы на содержание КВЖД стабильно превосходили получаемые с нее доходы, что для стратегической дороги было вполне закономерно, но решительно не устраивало Министерство финансов, продолжавшее до 1914 г. смотреть на нее в рамках первоначальной концепции С. Ю. Витте, т. е. как на предприятие прежде всего экономическое¹⁹. Под постройкой городов явно имелся в виду в первую очередь активно возводившийся с 1899 г. Дальний, средств на который, в отличие от оборонительного строительства в Порт-Артуре, С. Ю. Витте не жалел²⁰.

Парадоксально, но аналогичным образом русские военные аналитики оценивали финансы японские: «В настоящее время экономическое положение Японии далеко не может быть признано блестящим. Правительство нуждается в деньгах, больших капиталов нет и у частных лиц. Если доселе бюджет Японии и обходился без большого дефицита, несмотря на громадные расходы, то только благодаря Китайской контрибуции и сделанному в прошлом году займу»²¹. Из этого долгое время делался ошибочный вывод, что до восстановления финансовой стабильности империя Микадо воевать с Россией не сможет. Вероятность ведения войны в кредит при этом не рассматривалась обеими сторонами.

Неменьшее внимание уделялось в издании и всем остальным сторонам внутреннего устройства России, причем почти в каждой сфере японцам представлялось наличие серьезных «недостатков», которые можно было использовать в военное время. Слабым местом империи казалась религиозная политика:

Греческая церковь учит, что ЦАРЬ есть сын Бога. Русские верят этому учению, и эта их вера значительно облегчает правительству управление ими. С распространением

образования и умственного развития среди народа естественно должна будет охладиться его вера, и тогда наступит великое несчастье для России. Так она любит и уважает своего ЦАРЯ, как сына Бога, легко можно себе представить, что произойдет, когда не будет веры в Бога. Нигилисты служат тому примером. Религия имеет в России громадное значение, но она приносит народу не утешение, а страдание. По мнению духовенства, всемогущего в России, не следует распространять среди народа умственное развитие и не следует давать ему научного образования, так как все это может только нанести ущерб его вере. Поэтому народ обречен на страдания от своего невежества, и нет у него средства избавиться от давления духовенства. Последнее же в России — всесильно, даже ИМПЕРАТОРЫ не могут действовать свободно, но должны считаться с духовенством. Про прочих и говорить нечего, ему все подчиняются²².

Нетрудно заметить, что японцы не разобрались с основными догматами православия и существовавшей в России системой легитимации власти царя через миропомазание, описав скорее собственную систему, в которой императоры (тэнно) Японии считаются прямыми потомками богини солнца Аматэрасу, явно завысили степень влияния духовенства на систему управления государством и не поняли, что со времен реформ Петра I церковь стала элементом государственного аппарата, а не параллельной силой.

Справедливо отмечалось, что духовенство принимает участие даже в военной жизни и в каждом полку есть свой священник. В абсурдном же тезисе, что «каждый поход совершается в день какого-либо святого», А. Н. Куропаткин подчеркнул слово «поход» и поставил на полях вопросительный знак²³. Характеристика русскому православному духовенству и православию как религии в целом давалась крайне нелицеприятная. «В нравственном отношении безобразии русского духовенства доходит до крайних пределов, наши бонзы несравненно выше его. По всей вероятности, причину общего гниения России (здесь и далее подчеркивания в цитатах сделаны А. Н. Куропаткиным. — Р. А.) служат грехи духовенства. Православие отличается фанатизмом и суеверием, иноверцев они ненавидят и не гнушаются никакою жестокостью»²⁴. Тем не менее вывод был недалек от истины: «В общем религиозность русских постепенно падает; среди высшего класса господствует уже сомнение, в среднем — суеверие, а низший класс не соблюдает заповедей»²⁵.

Построенный на таком религиозном базисе общественный строй тоже казался японским националистам далеким от идеала. Причем они умудрились в двух абзацах текста одновременно классифицировать его как кастовый, классовый и сословный одновременно. Впрочем, резко негативной тональности оценок это не отменяло:

Высшие классы, господствуя вполне над низшими и пользуясь своим привилегированным положением, эксплуатируют последних, таким образом богатые делаются богаче, а бедные — беднее. Естественным последствием такого порядка вещей является появление нигилистов и социалистов, не прекращающих своей вредной деятельности. Недавние бунты рабочих и студентов во всех главнейших городах России могут служить тому примером.

Всех сословий четыре: дворяне, духовенство, мещане и крестьяне. *Правящий класс — дворяне; все они воспитываются для того, чтобы быть впоследствии чиновниками. Но подготовка их для будущей их деятельности весьма неудовлетворительна. Учатся они мало*

и кое-как; большую же часть своего времени они проводят в выездах в общество и в подыскивании себе протекции. Таким образом, еще до окончания учения они обыкновенно уже обеспечены хорошими местами. Тупость — их отличительная черта (этот фрагмент А. Н. Куропаткин отчеркнул на полях и написал: «Резко». — Р. А.). Более развитые, умные и деятельные люди выходят из среднего, более бедного класса. Чтобы избавиться от своего униженного положения и пробить себе дорогу, они присоединяются к различным социалистическим и нигилистическим обществам. Однако весьма немногим из них удается выйти в люди. Большинство же принуждено довольствоваться своим жалким положением и покоряться произволу чиновников. Есть между ними и такие, которые, видя свое безвыходное положение, с горя предаются пьянству или разврату, думая в этом найти утешение. На таких людей в России смотрят снисходительно. Принадлежащие к высшему классу, обеспеченные всем люди ведут самый пустой образ жизни, думают лишь об удовольствиях и наслаждениях, предаются разврату и часто доходят до крайнего нравственного безобразия; подчас они ведут себя прямо как животные²⁶.

По этой причине взгляды на русскую внешнюю и внутреннюю политику у японских националистов оказались прямо противоположными:

Известно, что внешняя политика России ведется всегда необыкновенно ловко. Этим Россия обязана исключительно самодержавию, ибо воля одного человека решает все. Не столь отрадную картину представляют ее внутренние дела. Тут царство взятки и произвола. Все управление находится в руках чиновников, а быть таковыми могут лишь лица, принадлежащие к высшему классу. Поэтому при выборе людей, долженствующих управлять страной, руководствуются не умом и способностями человека, а его происхождением. Ни один способный и умный, но не знатный родом человек не может в России дослужиться до тех высоких степеней, до которых доходят глупые, но знатные люди.

Все русские чиновники злоупотребляют своим положением, все они торгуют своей властью; взяточничество поголовно. На Иркутской таможене, например, благодаря взяткам взимаются пошлины в уменьшенном размере. Раздача мест для рыбной ловли производится также сообразно полученным взяткам. Вообще взяточничество в России убивает всякую деятельность и всякую предприимчивость, оно тормозит и торговлю страны, и развитие ее промышленности²⁷.

Если с тезисом о невозможности для незнатного, но умного человека в Российской империи достичь высоких ступеней карьерной лестницы еще можно поспорить, так как примеры обратного все-таки встречались (А. М. Сперанский, Н. К. Гирс, тот же А. Н. Куропаткин и др.), то казнокрадство, мздоимство и лихоимство, к сожалению, действительно были неотъемлемой частью русской действительности.

Совершенно иначе авторы материала воспринимали внешнюю политику России в Азии, а точнее — на Дальнем Востоке. Они куда лучше представляли себе историю региона, прежде всего Китая, который неоднократно подвергался завоеваниям, но каждый раз завоеватели растворялись в его многочисленном населении и мощной самобытной культуре. В Токио прекрасно видели то, чего не видели в Петербурге: попытка присоединения тем или иным способом территорий Дайцинской империи к России опасна в первую очередь не для завоевываемого, а для завоевателя, численность населения которого в Сибири и на Дальнем Востоке была незначительна.

Стараясь ныне захватить земли своей соседки, Россия сама укорачивает жизнь свою. Пусть она завладеет Маньчжурией; пусть захватит весь Китай, Корею и даже Сиам и Индию. Пусть она овладеет всей Азией. Мы со своей стороны будем тогда смотреть с улыбкой на то, что будет происходить далее. А случится тогда вероятно нечто подобное нашествию Чингиз-Хана²⁸.

Существовавшая в России система воспитания и образования подверглась со стороны японских аналитиков уничтожающей и во многом справедливой критике. Под проведенный анализ была подведена откровенно расистская база:

Славяне — удивительное племя. Живут они среди цивилизованных народов, но сами не проявляют никаких признаков цивилизации. В ближайшем соседстве их находится высококультурная Германия, но и она не в состоянии оказать на них благотворное влияние. По уровню образования Россия едва ли выше столь презируемого всеми Китая. Некоторое развитие замечается лишь среди высшего класса. Петр Великий, правда, сделал много преобразований, но все эти преобразования коснулись одной незначительной части общества. Главная причина такой отсталости России заключается в том, что прочие державы полагали для себя опасным, если Россия станет культурным государством, поэтому они не допускали ее заимствовать их цивилизацию²⁹.

Очевидно, что подобные мысли мало чем отличаются от базовых положений немецкого нацизма. Постепенное распространение и целенаправленная популяризация в Японии таких идей и воззрений, крайне националистических по своей природе, проводимые в том числе организацией Кокурюкай, позволили впоследствии хорошо подготовить японское общество к восприятию необходимости союза Японии с нацистской Германией, подписанию в 1940 г. Берлинского пакта и вступлению во Вторую мировую войну на стороне последней.

Впрочем, недостатков существовавшей в России образовательной системы это не отменяло:

Воспитание народа в России находится в руках духовенства. Последствием подобного порядка является то, что дела веры и дела разума взаимно перемешиваются, что, в свою очередь, может только препятствовать развитию. В школах главным образом преподается богословие, а затем уже, как принадлежности его, русская словесность и некоторые предметы.

Первоначальных школ на всю Россию с ее 120-миллионным населением всего только 10 тыс. Последствием такого недостаточного количества школ является громадный процент безграмотных. Так, среди новобранцев безграмотных в России 40%, а в Сибири 80%.

Университеты имеются в Казани, Москве, Петербурге, Одессе и Томске. Для 120-миллионного населения также едва ли можно признать достаточным пять университетов³⁰.

Это, по мнению японских авторов, способствовало развитию и активному распространению в молодежной среде революционных идей:

Русская молодежь, главным образом студенты, видя, в каком безотрадном положении находится народ, стараются помочь ему: они издают и распространяют всевозможные подпольные книжки и этим способом думают прийти на помощь народу и развить его. В то

же время, видя, что в России не признаются ни свобода, ни право — эти величайшие блага человека, — они беспрестанно бунтуют, вследствие чего главное назначение Министерства народного просвещения и внутренних дел сводится к тому, чтобы не просвещать народ, а подавлять волнения.

В школах в большом ходу палки... Правительство намеренно не просвещает и не развивает народ, так как управлять темной массой конечно легче. Предоставляем судить всякому, насколько хорош подобный способ управления страной³¹.

Исходя из этого, в работе обосновывалась возможность использования русских революционеров на благо Японской империи:

Нам жаль русских. Они так близки к европейским народам и так заброшены. Положительно нет у европейцев ни сострадания, ни сердца. Нельзя нам следовать их примеру, а нужно помочь страдальцам. Сибирская железная дорога — весьма удобное средство для подачи этой помощи русским. По этой же железной дороге могут приехать к нам те недовольные русские, которые в настоящее время живут в изгнании в столицах Европы. Мы с удовольствием их примем у себя³².

Исходя из этого, взгляд японских националистов на высшее образование в Российской империи представляется в значительной степени упрощенным, а использованные данные — неполными. Дело не только в том, что в списке не оказалось созданного в 1899 г. во Владивостоке Восточного института и нескольких ведущих университетов, готовивших специалистов по целым направлениям (например, Дерптского (с 1893 г. — Юрьевского) университета, славившегося своим медицинским образованием на весь мир), но и в том, что из него полностью выпало высшее военное образование. Качество же постановки в империи военно-инженерного образования, центром которого были Николаевское инженерное училище и Николаевская инженерная академия, японцы в полной мере оценили во время осады Порт-Артура. Проглядели японцы и инженерно-промышленные учебные заведения, а их в империи было заметно больше, чем в Японии. Среднее образование, в том числе имевшие огромное значение для развития империи коммерческие и реальные училища³³, японские аналитики тоже предпочли не заметить, сосредоточившись на начальной школе, где Россия, к сожалению, действительно существенно отставала от Японии. Впрочем, именно начальной ступенью и ограничивался уровень образования большинства призывников-новобранцев, и если уровень грамотности мужского населения в возрасте старше 9–15 лет в России в 1889 г. составлял 31 %, а в 1913 г. — 54 %, то в Японии — 97 и 98 % соответственно³⁴. Столь удручающую разницу между Россией и Японией в начальном образовании, в результате чего поступавших в войска призывников приходилось сначала доучивать до минимально приемлемого в армии уровня грамотности и только после этого обучать непосредственно военным знаниям, в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. вынуждены были признать даже в Военном министерстве³⁵. Вместе с тем утверждение о целенаправленной политике русских властей по ограничению доступа некоторых слоев населения к образованию в целях удобства управления современными исследователями тоже оспаривается³⁶.

Отрицательно оценивалась и кадровая политика империи. Правда, при этом была допущена классическая ошибка: носителей иностранных фамилий автоматически посчитали иностранцами, а значит, потенциально опасным для страны контингентом.

Нынешняя Россия напоминает собою древний Китай. Когда последний нуждался в образованных и дельных людях, он обращался за таковыми на запад. Точно также поступает и российский ИМПЕРАТОР. Когда ему нужны люди для приведения в исполнение его идей и планов, он приглашает на свою службу способных иностранцев с Запада. Так, в тот момент, когда мы принуждены были отдать обратно Ляодун, главным начальником во Владивостоке был немец *Унтербергер*. *Большинство командиров судов и адмиралов русской эскадры на востоке — иностранцы. На коммерческих судах и на пароходах Добровольного флота командиры — также иностранцы* (этот фрагмент текста А. Н. Куропаткин отчеркнул на полях и написал: «Ого». — Р. А.). Начальники разных научных экспедиций — иностранцы, и т. д. Все эти иностранцы, естественно, не столько думают об интересах России, сколько о своей собственной славе и наживе; между ними, особенно в железнодорожном, военном и морском ведомствах, сильно распространено взяточничество; с подчиненными своими они обращаются плохо и не заботятся о них, вследствие чего подчиненные ненавидят своих начальников; доверенные им секреты они разглашают через своих родственников; как самые образованные и способные в России люди, они пользуются большим влиянием и в конце концов они же являются самыми опасными врагами России: в трудную минуту, именно тогда, когда они более всего могут быть нужны, они способны бросить ее и быть таким образом причиной падения России³⁷.

Однако Россия времен Петра I, только создававшего империю, существенно отличалась от России начала XX в. Многие носители иностранных фамилий жили на территории страны столетиями, считали ее своей родиной и честно служили ей верой и правдой. Наиболее яркой иллюстрацией этого является как раз приведенный японцами в пример П. Ф. Унтербергер — один из лучших администраторов за всю историю российского Дальнего Востока, включая советский период. Его предки действительно были выходцами из Австрии и покинули в XVIII в. страну, не пожелав отойти от лютеранской веры в угоду императорам-католикам. Выпускник Николаевской инженерной академии 1864 г., в 1888–1897 гг. он был военным губернатором Приморской области, в 1905–1910 гг. — Приамурским генерал-губернатором, а затем членом Государственного совета. Именно он вместе с А. Ф. Редигером и А. А. Поливановым докладывал в Госсовете 23 июня 1914 г. безнадежно запоздавшую Большую программу усиления армии, в результате реализации которой Россия должна была к 1917 г. стать готовой к войне с Германией. П. Ф. Унтербергер, еще в 1880 г. побывав в Японии, сообщал по возвращении о том, что создаваемая в стране армия, вероятнее всего, будет со временем направлена против России, так как содержание сильной, по-европейски обученной армии обходится для бюджета дорого, для войны с дряхлеющим Китаем она не нужна, а больше, кроме России, для нее в регионе потенциальных противников нет³⁸. Впрочем, усилия японских националистов начала XX в. до некоторой степени увенчались успехом, поскольку в работах значительной части профессиональных японоведов, имеющих возможность свободно знакомиться с подоб-

ного рода периодическими изданиями, П. Ф. Унтербергер характеризуется исключительно с отрицательной стороны³⁹.

На основании анализа всех сторон жизни русского общества японцы сделали вывод о судьбе России, оказавшийся, к сожалению, пророческим:

Из всего вышесказанного видно, что в России нет промышленности, что религия ее имеет крупные недостатки, что состояние общества — гнилое; воспитание — несовершенно; финансовое положение — нетвердо; система управления и политика не имеют смысла; сооружение железных дорог не может привести к добру; восточная политика — неправильна. На основании всего этого мы должны прийти к тому заключению, что Россия, хотя и большое, но дряхлое государство, не способное к самостоятельному развитию. Тот, кто боится России, не знает ее и видит лишь надеваемую ею маску дьявола.

Внешняя политика России состоит в том, чтобы урвать где-либо кусок земли; при этом Россия обижает только слабых, сильных же она не трогает. Что касается внутреннего управления, то в этом отношении Россия действует точно в состоянии сна или опьянения. Мы не думаем, чтобы Господь дал счастье долголетия подобному государству. <...> Итак, Россию ожидает или революция, или распадение, другими словами — или развитие, или гибель⁴⁰.

Если Российская империя развалится сама, то Японии следовало «радоваться, и притом не только за остальной мир, но и за самих славян, так как вместе с падением России среди них распространится цивилизация и они заживут новой, лучшей и более счастливой жизнью»⁴¹, а затем взять на себя цивилизаторскую миссию:

Если Япония призвана освободить Китай, то она должна помочь также и России. При этом мы должны руководствоваться учением, существующим у нас уже три тысячи лет, учением о мудрости, любви и доблести. Мы, японцы, не только ни в чем не уступаем европейцам, но мы еще сверх того крепки духом и проникнуты человечностью. В Европе вся жизнь основана на борьбе за существование; потому что цивилизация европейская — материальна; наша же — духовна. Если первую пополнить второй, получится цивилизация совершенная и полная гармонии. Распространение подобной цивилизации предстоит в нынешнем XX веке. С распространением ее не будет войн, не будет грубой силы; наступит идеальный мир. Но для сего мы прежде должны спасти Китай и взяться за руководство Россией⁴².

Идеального мира из этой концепции в итоге не получилось, а попытка взять на себя миссию по созданию «совершенной цивилизации» в Азии принесла в первой половине XX в. неисчислимы страдания не только китайскому, но и самому японскому народу.

Если же Российская империя все-таки сама не развалится, то, поскольку сравнение военного и морского потенциала России и Японии на Дальнем Востоке показывало возможность с успехом вести военные операции против России, а для завершения Транссиба требовалось еще четыре-пять лет, что ощутимо снижало возможности противника по переброске в регион подкреплений⁴³, были возможны два сценария развития событий.

Первый путь — сохранить мир.

[Единственным средством для сохранения мира было бы] соглашение между Японией и Россией. В основу этого соглашения можно было бы положить согласие Японии на присоединение Россией к ее владениям части Печилийской провинции, Монголии и Или — с одной стороны, и согласие России на свободное переселение японцев в Сибирь — с другой.

В Сибири все условия благоприятны для нашего там поселения, и нет сомнения, что мы отлично могли бы устроиться в долине Амура; Сибирь стала бы нашим вторым отечеством.

Предлагаемым соглашением между Японией и Россией устранена была бы возможность войны и упрочен был бы мир между соседними империями (приведенный фрагмент текста А. Н. Куропаткин отчеркнул на полях и написал: «Какой вздор!». — Р. А.)⁴⁴.

Второй сценарий:

Но если нам придется сразиться, не может быть сомнений, что победительницей будет Япония. В таком случае мы могли бы поставить России следующие требования:

1. *Увеличивать, в случае необходимости в этом, количество войск, охраняющих Маньчжурскую железную дорогу, лишь с согласия Японии.*

2. Предоставить иностранцам в Маньчжурии те же права, коими пользуются русские подданные, по отношению к сооружению железных дорог, разработке минеральных богатств и т. п.

3. Признать Порт-Артур и Дальний открытыми торговыми портами.

4. Ограничить количество русских войск и число укреплений на китайской и корейской границах.

5. Ограничить число русских военных судов в водах Тихого Океана.

6. *Передать в виде залога Японии Сибирскую железную дорогу* (этот фрагмент текста А. Н. Куропаткин отчеркнул на полях и написал: «Ого!». — Р. А.).

7. Предоставить иностранцам право свободного плавания по Амуру и его притокам.

8. Предоставить иностранцам в Сибири те же права, коими пользуются русские подданные, по отношению к владению земельной собственностью, добыче минеральных богатств, занятию разными отраслями промышленности, рыболовством и т. п.

9. *Уступить Японии остров Сахалин* (подчеркнуто А. Н. Куропаткиным. — Р. А.)

10. Предоставить китайцам право на равную с русскими подданными долю участия в предприятиях Китайской Восточной железной дороги⁴⁵.

Последующие события показали, что и кровопролитная война с Россией позволила добиться выполнения лишь первого, третьего (в видоизмененном в пользу Японии варианте) и девятого (лишь наполовину) требований. Осуществить остальное японцам не удалось даже в годы Гражданской войны и интервенции в Сибирь и на российский Дальний Восток уже после распада Российской империи. Влияние на отношения двух стран более отдаленных последствий такого рода действий японские аналитики-националисты спрогнозировать не смогли — все-таки знания русского национального характера у них оказались весьма поверхностными.

Знакомство военного министра А. Н. Куропаткина с приведенными материалами не имело каких-либо практических последствий. Документы легли мертвым грузом в архивах военного ведомства, как и многие другие не менее важные материалы о Японии, добытые в разное время русской разведкой, но так и не понятые сотрудниками центрального аппарата Военного министерства с А. Н. Куропаткиным во главе.

Сложившаяся ситуация в очередной раз доказала, что для успешной подготовки к войне мало наладить эффективный и своевременный сбор всего комплекса информации о противнике, нужны также хорошо поставленная работа по анализу этой информации и умение ее использовать. И если в Японии смогли организовать работу таким образом, что в дело шли даже материалы о России, собранные различными националистическими организациями, позиция которых часто не совпадала с официальной позицией правительства, то в Российской империи не сумели наладить и нормальный анализ сведений, поступавших по официальным каналам. В центральном аппарате Военного министерства и к середине 1902 г. не было ни одного человека, умевшего читать по-японски, а сам военный министр часто просто не понимал значения представляемых ему материалов и не обращал на них должного внимания.

Дальнейшее развитие событий показало, что степень осведомленности японских националистов о потенциале Российской империи была выше, а оценка — точнее, чем у сановников в Петербурге, принимавших решение об активизации внешней политики на Дальнем Востоке. В Японии опасным соседом интересовались и всерьез его изучали. В России же систематический сбор, а главное — анализ сведений о Японии налажен не был. Эту роковую ошибку пришлось срочно исправлять уже после Русско-японской войны 1904–1905 гг.

¹ См. об этом: *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 481–492.

² *Куропаткин А. Н.* Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909. С. 194–202.

³ *Добычина Е. В.* Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 39–41, 100–114, 156–179; *Каширин В. Б.* «Русский Мольтке» смотрит на восток. Дальневосточные планы Главного Штаба Российской империи во время японско-китайской войны 1894–1895 гг. // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие / под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004. С. 152–163.

⁴ *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 3 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 102, 141–161; *Павлов Д. Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 11–19.

⁵ *Танака Такэюки.* Утида Рёхэй: взгляд на Россию // Ежегодник Японии. 2012. Т. 41. С. 390–393; *Совастеев В. В.* Геополитика Японии. С древнейших времен до наших дней. Владивосток, 2009. С. 72–73.

⁶ *Совастеев В. В.* Геополитика Японии. С. 72.

⁷ *Танака Такэюки.* Утида Рёхэй. С. 393, 401.

⁸ Там же. С. 393, 401.

⁹ Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества». Токио, 17 (30) июня 1901 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 280–290 об.

¹⁰ Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А. И. Русина (1902–1904 гг.) / вводная статья, подготовка текста и комментарии В. А. Петрова // Русское прошлое. Кн. 6. СПб., 1996. С. 62–63.

¹¹ *Танака Такэюки.* Утида Рёхэй. С. 394–399.

¹² РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 280–285 об.

¹³ Там же. Л. 280–280 об.

¹⁴ Там же.

- ¹⁵ Там же. Л. 280–281.
- ¹⁶ Там же. Л. 283 об.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 283 об.–284.
- ¹⁹ Подробнее об этом см.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» С. 103–113; *Самойлов Н.А., Старовойтова Е.О., Ходяков М.В., Янченко Д.Г.* Китайско-Восточная железная дорога — историческое наследие двух народов: перспективы изучения // *Новейшая история России.* 2016. № 3 (17). С. 205–210; *Ходяков М.В.* Китайско-Восточная железная дорога и планы усиления русского экономического влияния на Дальнем Востоке в преддверии Первой мировой войны // *Петербургский исторический журнал.* 2018. № 3. С. 52–65; *Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О.* Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8, № 3. С. 583–597; *Янченко Д.Г.* Вопросы обороны, внутреннего управления и статуса Китайско-Восточной железной дороги в правительственной политике в начале XX в. // *Былые годы.* 2018. Т. 50, № 4. С. 1712–1724.
- ²⁰ *Vitte С.Ю.* Всеподданнейший доклад Министра финансов по поездке на Дальний Восток. 1902 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 65–72. — Подробнее о строительстве Дальнего и Порт-Артура см.: *Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов / сост. И. В. Лукоянов, Д. Б. Павлов.* М.; СПб., 2018.
- ²¹ Извлечение из сведений, представленных Генерального штаба подполковником В.К.Самойловым о современном положении дел в Японии и состоянии ее армии и флота в начале 1900 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 271. Карт. 11. Ед. хр. 11. Л. 123–125.
- ²² РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 281–281 об.
- ²³ Там же. Л. 281 об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 281 об.–282.
- ²⁷ Там же. Л. 284–284 об.
- ²⁸ Там же. Л. 287.
- ²⁹ Там же. Л. 282 об.
- ³⁰ Там же. Л. 283.
- ³¹ Там же. Л. 283–283 об.
- ³² Там же. Л. 288.
- ³³ Подробнее см.: *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской империи. М., 2009. С. 23–98.
- ³⁴ См. об этом: *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб., 2015. С. 491.
- ³⁵ *Случевский К.К., генерал-лейтенант.* Записка о народном образовании в Японии. 7 апреля 1905 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 191. Л. 1–3 об. — Подробнее см.: *Авилов Р.С.* Роль образовательного потенциала в обеспечении безопасности российского Дальнего Востока (1905–1914 гг.) // *Россия и АТР.* 2017. № 1. С. 49–59.
- ³⁶ *Миронов Б.Н.* Российская империя... Т. 3. С. 496–499; *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал... С. 56–61, 103–116.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 287–287 об.
- ³⁸ Биография П. Ф. Унтербергера специально исследовалась в: *Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И.* Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. 1: “Назло надменному соседу”. 1860–1905 гг. Владивосток, 2013. С. 287–313; *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер. Хабаровск, 2008.
- ³⁹ См., напр.: *Маринов В.А.* Россия и Япония перед Первой мировой войной (1905–1914 годы). Очерки истории отношений. М., 1974. С. 70–72; *Молодяков В.Э.*: 1) Россия и Япония: в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012. С. 79; 2) Россия и Япония: поверх барьеров: неизвестные и забытые страницы российско-японских от-

ношений (1899–1929). М., 2005. С. 122–123, 126–127, 133–134, 138–139, 150; *Пестушко Ю. С.* От военной конфронтации к политическому союзу: японо-российские отношения в 1905–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Хабаровск, 2012. С. 99, 109–111; *Шулатов Я. А.* На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг.: Хабаровск; М., 2008. С. 160, 189; *Саркисов К. О.* Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М., 2015. С. 386–388.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 286 об.–288 об.

⁴¹ Там же. Л. 287 об.

⁴² Там же. Л. 287 об.–288.

⁴³ Там же. Л. 284 об.–285 об., 288 об.–289 об.

⁴⁴ Там же. Л. 290.

⁴⁵ Там же. Л. 290.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2020 г.

Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Авилов Р. С. «Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 4. С. 875–891.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.404>

УДК 930:355/359.07

Аннотация: В статье на основе впервые введенных в научный оборот документов Российского государственного военно-исторического архива исследуется история знакомства в 1901 г. военного министра Российской империи А. Н. Куропаткина с публикациями крайне националистического японского общества Кокурюкай. Установлено, что, несмотря на слабость русской разведки на Дальнем Востоке накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг., ей удавалось получать материалы, имевшие большую ценность, в том числе второй выпуск запрещенных даже в Японии «Известий Амурского общества». Анализ содержания публикации позволил констатировать достаточно высокий уровень знакомства авторов издания и его основателя, Утида Рёхэй, со всеми сторонами жизни российского общества. Японцам удалось выявить слабые места системы государственного управления, финансово-экономического положения, образовательной, внутренней и внешней политики Российской империи. В статье показан процесс знакомства военного министра с переводом японского издания, проанализирована оценка его выводов. Установлено отсутствие практических последствий знакомства А. Н. Куропаткина с этими сведениями. Сделан вывод о том, что в Японии сумели наладить работу по изучению России так, что использовались даже материалы, собранные различными националистическими организациями, позиция которых часто не совпадала с официальной позицией правительства. В России же, наоборот, не был налажен даже нормальный анализ сведений, поступавших по официальным каналам, а военный министр очень часто не понимал значения представляемых ему материалов и не обращал на них должного внимания.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905, Российская империя, Алексей Николаевич Куропаткин, Утида Рёхэй, Кокурюкай, разведка, военный потенциал, Дальний Восток России, Приамурский военный округ, японская разведка.

Сведения об авторе: *Авилов Р. С.* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (Владивосток, Россия); avilov-1987@mail.ru

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Россия, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

FOR CITATION

Avilov R. S. "‘Pure Nonsense!’ War Minister A. N. Kuropatkin about the Proceedings of Japanese Nationalists", *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 875–891. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.404> (In Russian)

Abstract: This article based on a large body of unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RSMHA). The author analyzes the history of the acquaintance Russian Minister of War A. N. Kuropatkin with publications by the Japanese ultra-nationalist society Kokuryūkai in 1901. Despite weaknesses of Russian intelligence in the Far East before the Russo-Japanese War, the service was been able to obtain a highly valued materials, such as the second volume of *Bulletin of Amur River Society*. An analysis of this publication reveals that the authors and the journals founder, Uchida Ryōhei, had a high level of knowledge about Russian society. The Japanese discovered all the weak spots of Imperial governance, finance, economy, educational system, and domestic and foreign policies of the Russian Empire. The article shows how the Minister of War read a translation of Japanese edition and noted the authors' conclusions. We conclude that the Japanese state was able to organize these investigations of Russia using materials from nationalist organizations that sometimes took different positions from those of the Russian government, in Russian. In contrast, Russian officials were not able to do a normal analysis of observations from official channels, And Kuropatkin often did not understand the value of such materials that were passed on to him.

Keywords: Russo-Japanese War of 1904–1905, Russian Empire, Aleksei Nikolaevich Kuropatkin, Uchida Ryōhei, Kokuryūkai, intelligence, military potential, Russian Far East, Priamour Military District, Japan intelligence.

Author: Avilov R. S. — PhD in History, Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia); avilov-1987@mail.ru

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 89, ul. Pushkinskaya, Vladivostok, 690001, Russia

References:

- Alekseev M. *Russian military intelligence from Rurik to Nicholas II*, in 3 vols, vol. I (Moscow, 1998). (In Russian)
- Avilov R. S., Ajushin N. B., Kalinin V. I. *Vladivostok Fortress: troops, defenses, events, persons*, Part I: "To spite haughty neighbour". 1860–1905 (Vladivostok, 2013). (In Russian)
- Avilov R. S. 'The role of educational potential in safety of the Russian Far East (1905–1914)', *Rossia i ATR*, no. 1, 2017. (In Russian)
- Dobychina E. V. *Russian foreign intelligence in the Far East, 1895–1904* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2003). (In Russian)
- Dubina N. I. *Priamour general-governor P. F. Unterberger* (Khabarovsk, 2008). (In Russian)
- 'From the history of Russo-Japanese War: the reports of A. I. Rusin, naval attach in Japan in 1902–1904', ed. by V. A. Petrov, *Russkoe proshloe*, vol. 6 (St. Petersburg, 1996). (In Russian)
- Kashirin V. B. "Russian Moltke" looks forward the Far East. The Far-Eastern plans of the General Staff of Russian Empire in time of Sino-Japanese War of 1894–1895', *Russko-iaponskaia voina 1904–1905 gg. Vzgljad cherez stoletie*, ed. by O. R. Airapetov. (Moscow, 2004). (In Russian)
- Khodjakov M. V. 'Chinese Eastern Railway and plans to strengthen Russian economic influence in the Far East on the eve of the First World War', *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no 3, 2018. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2311-603X-2018-00048>.
- Kuropatkin A. N. *Proceedings of general Kuropatkin about the Russo-Japanese War. Consequence of war* (Berlin, 1909). (In Russian)
- Lukoyanov I. V. "Do not stay from the Powers..." *Russia in the Far East in the end of 19th — early 20th century* (St. Petersburg, 2008). (In Russian)
- Marinov V. A. *Russia and Japan before the World War I (1905–1914). Study in relation's history* (Moscow, 1974). (In Russian)
- Mironov B. N. *Russian Empire: from tradition to modern*, vol. 3 (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
- Molodyakov V. E. *Russia and Japan in search of concordance (1905–1945). Geopolitics. Diplomacy. Peoples and ideas* (Moscow, 2012). (In Russian)

- Molodyakov V. E. *Russia and Japan: overflowing the barriers: unknown and forgotten pages of Russo-Japanese Relations (1899–1929)* (Moscow, 2005). (In Russian)
- Pavlov D. B. *Russo-Japanese War of 1904–1905: Secret operations on land and on the sea* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Pestushko Yu. S. *From the confrontation to political alliance: Japanese-Russian relations in 1905–1917* [Doctor of History Dissertation] (Khabarovsk, 2012). (In Russian)
- Port Arthur and Dalnii in 1894–1904: the last colonial project of the Russian Empire*, Collection of documents, eds I. V. Lukoyanov, D. B. Pavlov (Moscow — St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Samoylov N. A., Starovoytova E. O., Khodjakov M. V., Yanchenko D. G. 'Chinese Eastern Railway — the Heritage of Two Empires: Research Perspectives', *Modern History of Russia*, no. 3, 2016. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.313>.
- Saprykin D. L. *Educational potential of Russian Empire* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Sarkisov K. O. *Russia and Japan. Hundred years of relations (1817–1917)* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Shulatov Ya. A. *The way to partnership: Russo-Japanese relations in 1905–1914* (Khabarovsk — Moscow, 2008). (In Russian)
- Sovasteev V. V. *Geopolitics of Japan. From the antiquity to nowadays* (Vladivostok, 2009). (In Russian)
- Tanaka Takeyuki. 'Uchida Ryōhei: Look to Russia', *Ezhegodnik laponiia*, no. 41, 2012. (In Russian)
- Yanchenko D. G., Starovoytova E. O. 'Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.303>.
- Yanchenko D. G. 'The Issues of Defense, Internal Governance and the Status of the Chinese Eastern Railway in Government Policy at the beginning of the 20th century', *Bylye Gody*, vol. 50, iss. 4, 2018. (In Russian). <https://doi.org/10.13187/bg.2018.4.1712>.

Received: March 20, 2020

Accepted: September 4, 2020